

0-800302

На правах рукописи

АЛТЫНБАЕВ РАНИС РАИСОВИЧ

ФОЛЬКЛОР БАШКИР-КАТАЙЦЕВ
(эпическое, лирическое и обрядовое творчество)

10.01.09 – фольклористика

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Казань – 2013

Работа выполнена в отделе фольклористики
Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра
Российской Академии наук

Научный руководитель: доктор филологических наук
Султангареева Розалия Асфандияровна

Официальные оппоненты: **Бакиров Марсель Хаернасович,**
доктор филологических наук, профессор,
кафедра истории татарской литературы
ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский)
федеральный университет», профессор
(г. Казань)

Галина Гульназ Салаватовна,
кандидат филологических наук, доцент,
кафедра этномузыкологии Уфимской
государственной академии искусств
им. З. Исмаилова, доцент (г. Уфа)

Ведущая организация: ФГБОУ ВПО «Башкирский государствен-
ный университет» (г. Уфа)

Защита диссертации состоится «23» апреля 2013 года в 12⁰⁰ часов
на заседании диссертационного совета Д 022.001.01 при Институте язы-
ка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республи-
ки Татарстан по адресу: 420111, г. Казань, ул. Лобачевского, 2 / 31.

С диссертацией можно ознакомиться в Центральной научной биб-
лиотеке Казанского научного центра РАН (г. Казань, ул. Лобачевского,
2/31).

Автореферат разослан «22» марта 2013 г.

Учёный секретарь
диссертационного совета
доктор филологических наук, доцент А.А. Тимерханов

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. Возросший за последние годы интерес к проблемам фольклористики вызван усилением интереса народов к своим духовным ценностям. Изучение жанровой специфики, особенностей бытования и функционирования народного творчества в региональном контексте еще более актуализирует этот процесс и являет собой одно из приоритетных направлений современной фольклористики. Такой методический подход способствует наиболее объективному выявлению исторических ценностей, ареальных традиций, ментальных особенностей и, в конечном счете, созданию целостной картины многогранной традиционной культуры народа. Поэтому исследование местного фольклора составляют важнейшую и востребованную часть современной науки.

Эпический, лирический и обрядовый фольклор представляют основную часть народного творчества, отличающегося многообразием функциональных форм, сюжетов, идеи-тематики, а также региональными особенностями. Учитывая все это, в диссертации исследуются локальные свойства эпического, лирического (песенного) и обрядового творчества катаяйской субэтнической группы башкир. В частности, исследуются этноспецифика, сюжетика, мотивы и художественно-изобразительные средства названных ветвей фольклора башкир-катыйцев. Образцы народного творчества и обряды впервые рассматриваются неотрывно от географической местности их возникновения и ареала их бытования и распространения. Данный научный подход к фольклорным источникам дает возможность глубже понять природу жанров и выявить соотношение традиционного и локального в народном творчестве.

Уникальные климатические и географические зоны (чередование горно-лесных и лесостепных зон), межэтнические и общественно-политические процессы оставили заметный след в фольклоре и изустных традициях регионов Башкортостана. Например, в северо-западной части под влиянием соседей (русских и татар) и из-за стремительного уменьшения пастбищ уже с XVIII в. башкиры стали уделять большое внимание земледелию. На юго-востоке же роды и родовые объединения еще продолжали вести полуоседлый образ жизни. Интенсивные переселения в связи с историческими событиями (восстания, христианизация, служба казачьего сословия по охране юго-восточных границ России) также оказали влияние на материальную и духовную культуру башкир той или иной зоны. На этом фоне развивалось народное творчество, его локальные особенности, идейно-тематическое своеобразие. Национальный фольклор в своей живой традиции представляет единство региональных, местных и диалектных традиций. Комплексное изучение собранного материала актуализирует тему нашего исследования.

Степень разработанности проблемы. Башкирское эпическое творчество, народные песни, также музыкальный и обрядовый фольклор

издревле привлекали внимание исследователей как иллюстративный материал. Первые сведения содержатся в записях Ахмеда ибн Фадлана, который приводит легенду песни «Сынрау торна» («Звенящий журавль» или «Журавлиная песнь»)¹. В XVIII–XIX вв. русские исследователи П.И. Рычков, И.И. Лепехин, П.С. Паллас, Р.Г. Игнатъев, С.Г. Рыбаков, Ф.Д. Нефедов и др. также оставили богатый фактический материал. Системное научное изучение башкирских народных песен началось лишь в 50-е годы, а обрядового фольклора значительно позже – в начале 80-х годов XX в.

Заметный вклад в изучение эпического, лирического и обрядового фольклора внес М. Бурангулов, который зафиксировал и систематизировал множество башкирских народных песен и обрядов, многие из которых не были опубликованы при жизни исследователя.

В 1954 г. коллективом Башкирского филиала Академии наук СССР издается книга «Башкирские народные песни», авторами которой выступили известные ученые и композиторы Л.Н. Лебединский, А.И. Харисов и Х.Ф. Ахметов². Фундаментальный труд Л.Н. Лебединского «Башкирские народные песни и наигрыши»³ явился важным событием в истории изучения музыкальной культуры башкир. Исследования М.П. Фоменкова «Башкирские народные песни»⁴ также продолжают данную тематику.

На современном этапе проблеме изучения эпического, лирического и обрядового фольклора башкир посвящены труды Р.А. Султангареевой⁵, А.М. Сулейманова⁶, С.А. Галина⁷, Р.С. Сулейманова⁸, Ф.Х. Камеева⁹ и др. В монографии Р.С. Сулейманова «Башкирское народное музыкальное искусство. Музыкальный фольклор северо-западных башкир» затронута проблема локальных особенностей фольклора башкир-кайтаев и рассматривается в главе «Инзер-Зилимский фольклор»¹⁰.

¹ Кавалевский А.П. Книга Ахмета Ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 годах. – Харьков, 1956.

² Башкирские народные песни / Сост., ред., авторы вступ ст. и коммент. Х.Ф. Ахметов, Л.Н. Лебединский, А.И. Харисов. – Уфа, 1954.

³ Лебединский Л.Н. Башкирские народные песни и наигрыши. – М., 1962.

⁴ Фоменков М.П. Башкирские народные песни. – Уфа, 1976.

⁵ Султангареева Р.А. Ареальное распространение сеньля и его локальные особенности // Вопросы ареальной лингвистики и этнографии. – Уфа, 1987. – С. 121–128; Она же. Башкирский свадебно-обрядовый фольклор. – Уфа, 1994. – 191 с.; Она же. Семейно-бытовой обрядовый фольклор башкирского народа. – Уфа, 1998. – 241 с.; Она же. Жизнь человека в обряде. – Уфа, 2006. – 344 с., 8 илл.

⁶ Сулейманов А.М. Календарно-обрядовый фольклор башкирского народа // Башкирский фольклор. – Вып. 2. – Уфа, 1995. – С. 38–80 (на башк. яз.).

⁷ Галин С.А. Башкирский фольклор. – Пермь, 1975. – 235 с. (на башк. яз.); Его же. Песенная поэзия башкирского народа. – Уфа, 1999. – 255 с. (на башк. яз.); Его же. Народной мудрости источник. – Уфа, 1999. – 327 с. (на башк. яз.).

⁸ Сулейманов Р.С. Жемчужины народного творчества Урала. – Уфа, 1995.

⁹ Камеев Ф.Х. Мелодии куряя. – Уфа, 1988. (на башк. яз.)

¹⁰ Сулейманов Р.С. Башкирское народное музыкальное искусство. Т. 11. Ч. 2. Музыкальный фольклор северо-западных башкир. – Уфа: Гилем, 2006. – С.28–32.

Заметный вклад в изучение локального фольклора вносит коллективный труд «Курганские башкиры: историко-этнографические очерки»¹. На основе трудов ученых начала XX в. Г. Давлетшина, Х. Габитова, Г. Вильданова М. Бурангулов впервые составил сводное описание свадебных обрядов (имеются материалы ялан-катайцев) в единстве с поэтическим репертуаром².

Среди зарубежных исследователей венгерский тюрколог Йожеф Торма³ обратил внимание на локальные особенности фольклора башкир.

Фольклор башкир-катайцев (инзер-катайцы, идель-катайцы, бала-катайцы, ялан-катайцы) привлекает внимание ученых лишь в конце XIX в.⁴ Студент Казанского университета Мстислав Кулаев в 1899–1900 гг. записал и систематизировал около семидесяти башкирских народных песен, посвященных Ямантау⁵ (гора в Белорецком районе РБ).

В 30-е годы XX в. Институтом национальной культуры (ныне – Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН) организуется комплексная экспедиция в Курганскую область, где было зафиксировано огромное количество фольклорных произведений, в том числе эпические и лирические песни и обряды⁶. Выдающимся тюркологом Н.К. Дмитриевым в 1928–1929 гг. в Тамьян-Катайском кантоне (ныне основная часть территории входит в Белорецкий район РБ), записаны свыше 20 печатных листов фольклорного материала⁷.

В ходе экспедиционных работ ИИЯЛ УНЦ РАН в Сафакулевский, Альменевский районы Курганской области (1927, 1959, 1997 гг.) собран обширный фольклорный материал, в составе которого песенный занимает наибольший объем (в 1929 году – 21, в 1959 – 49 народных песен с вариантами!). А в 1970 г. в Альменевском районе собраны народные обычаи и образцы традиционных обрядов и их поэзии. В настоящее время фольклористами ИИЯЛ УНЦ РАН активно ведутся полевые исследования и публикуются материалы в серии «Экспедиционные материалы» (2003, 2004, 2006, 2009 и т. д.), среди которых имеются образцы различных жанров фольклора Белорецкого района РБ, также Челябинской области.

Учитывая актуальность проблемы, и основываясь на предыдущих исследованиях, настало время изучать фольклор башкир-катайцев в

¹ Курганские башкиры: историко-этнографические очерки – Уфа: Гилем, 2002. – 216 с.

² Бурангулов М. Башкирские свадебные обряды. Рукопись. Научный архив УНЦ РАН. – Ф.3. – Оп. 2 – Д. 215.

³ Торма Йожеф. Есть среди башкир красивые обряды / Пер. с венгерского // Агидель. – 1991. – №6. – С. 161–165.

⁴ Берхгольц Л. Горные башкиры-катайцы // Этнографическое обозрение. – 1893. – № 3. – С. 74–84.

⁵ Сибигагова Р.Ю., Ураксин З.Г. Врач, ученый-лингвист и государственный деятель. – Уфа, 2007. – С. 11–17.

⁶ Научный архив УНЦ РАН. – Ф.94. – Оп.1. – Ед.хр.7.

⁷ Там же.

его локальном срезе, освещая идейно-тематические, стилевые особенности. Характеристика репертуара носителей фольклорной культуры и народных исполнителей также становится актуальной, т.к. их творчество непосредственно связано с сохранением народных художественно-эстетических традиций. Вместе с тем в поле исследования входит и фольклор запредельных Башкортостана регионов, где компактно проживают башкиры-кайтацы.

Объект исследования – эпический, лирический и обрядовый фольклор башкир-кайтацев в контексте их этнической истории, а также творчество народных мастеров-исполнителей названного региона.

Предметом исследования является этническая история кайтацев, функциональное, поэтико-художественное, тематическое своеобразие эпического, лирического и обрядового фольклора кайтацев; специфика репертуара и творческий портрет исполнителей, хранителей фольклора; этнические особенности фольклора кайтацев; единство текстов с обрядами, действиями, напевами; состав и особенности современного бытования жанров; варианты и вариативность песенного фольклора.

Целью диссертационной работы является комплексное системное, сравнительно-историческое исследование и анализ локальных особенностей эпической и лирической поэзии, песенных мелодий и обрядового фольклора башкир-кайтацев.

Для достижения данной цели были поставлены следующие задачи:

– выявить историческую и этническую основы жанрового репертуара и анализировать специфические реалии и мотивы, сюжеттики и образы, преданий и топонимов, связанных с местными традициями и географической средой;

– раскрыть и выделить в типологическом и локальном аспектах идейно-художественные особенности лирических, эпических и лиро-эпических произведений (лирических песен, сказаний, кубаиров, исторических песен, байтообразных песен);

– выявить своеобразие композиционно-структурных и художественно-изобразительных средств.

– анализировать музыкальные структуры и формы песенных мелодий и создать их нотные тексты;

– создать творческие портреты и репертуар народных мастеров-исполнителей песенного фольклора;

– выделить и научно описать наиболее характерные для изучаемого региона традиционные обряды и обрядовый фольклор, включая современное их бытование.

Научная новизна диссертационной работы заключается в том, что она является первым опытом исследования особенностей эпического, лирического и обрядового творчества отдельной субэтнической группы в комплексном единстве этнической истории, художественной характеристики жанров и их современного бытования. Впервые вводятся в научный оборот материалы из личного архива соискателя, собранные во

время экспедиций. В работе впервые приведены нотации народных песен, зафиксированных соискателем. Кроме того, содержится портретная и творческая характеристика исполнителей песен, описание традиционного стиля и индивидуальной манеры исполнения песен. Диссертация станет полезным источником для дальнейших исследований в актуальных ныне ареальных исследованиях. Так, на примере целостного описания особенностей жанров народного творчества башкир отдельно взятого рода раскрывается идейно-эстетическое богатство и национальное своеобразие фольклора всего башкирского народа.

Теоретическую и методологическую основу исследования составляют труды видных ученых в области русской (В.П. Аникин, П. Богатырев, А.Н. Веселовский, В.Е. Гусев, Н. Кравцов, Л.Н. Лебединский, Б.Н. Путилов, А.А. Мезель, В.А. Цукерман, Е.В. Гиппиус, А.М. Листопадов и др.), башкирской (С.А. Галин, Ф.А. Надршина, А.М. Сулейманов, Р.С. Сулейманов, Р.А. Султангареева, Г.С. Галина, Н.В. Ахметжанова и др.), татарской фольклористики (И.Н. Надилов, М.Н. Нигмедзянов, К.М. Миннуллин и др.).

В диссертации использованы сравнительный, сравнительно-исторический, этнокультурологический, этногеографический и комплексный методы исследования. Такой подход позволил выявить и описать внутренние (жанровая природа, поэтика, функции) и внешние (ареалы распространения, локальные реалии, бытование и исполнение) признаки, способы сюжетообразования и особенностей художественного оформления регионального фольклора башкир-кайтаев.

Материалом исследования послужили эпический, лирический и обрядовый фольклор башкир-кайтаев, вошедший в тома «Песни»¹ и «Обрядовый фольклор»² свода «Башкирское народное творчество», материалы фольклорного фонда Научного архива УНЦ РАН, кафедры башкирской литературы и фольклора БГУ. Большую долю фактического материала составляют собственные полевые записи соискателя.

Научно-практическое значение исследования обусловлено возможностью применения его основных положений при разработке теоретических и практических курсов по фольклористике, при подготовке курсов лекций, спецкурсов по башкирскому народному творчеству для вузов, а также при составлении учебно-методических пособий и составлении многотомного свода «Башкирское народное творчество».

На защиту выносятся следующие положения:

– этнический состав кайтаев башкир сложный, неоднородный, истоки возникновения этого племени и его родов уходят в глубину веков. В формировании кайтаев сыграли роль древнейшие киданские племена кара – кайтаевы, по другому – кара-кидани;

¹ Песни / Сост., вступ. статья, коммент. С.А.Галина // Башкирское народное творчество. Кн.1. – Уфа, 1974. –386 с. (на башк.яз.).

² Башкирское народное творчество. Обрядовый фольклор. Т.1. / Сост., авт. вст. ст.и коммент. Р.А.Султангареева, А.М.Сулейманов. – Уфа, 1995. – 360 с. (на башк.яз.).

– основным и центральным образом в лирических песнях является Урал – символ отчего края и Родины как для катайцев, так и для всего башкирского народа;

– топонимическая привязка – географические названия или объекты, сюжеты, связанные с местными преданиями, образы-герои с реальными прототипами – иллюстрации, подтверждающие «локальность» фольклора катайских башкир;

– эпические и лирические произведения не только описывают исторические события башкирского народа через определенные образы, но и являются своеобразным свидетельством драматического периода жизни башкир, в том числе и катайцев;

– несмотря на претерпевшие изменения, сложные трансформации обрядов, до сегодняшних дней в памяти башкир-катайцев сохранился многогранный арсенал традиционных и сакральных знаний, связанных с природными явлениями, а также семейно-бытовым и календарно-хозяйственным фольклором.

Апробация диссертационной работы. Основные положения диссертационной работы изложены в 7 публикациях, в том числе в 2-х научных изданиях из перечня ВАК РФ. Результаты исследования апробированы в виде докладов на Всероссийской научной конференции «Башкирская филология: История, современность, перспективы» (Уфа, 2005), на IV Межрегиональной научно-практической конференции «Городские башкиры: проблемы демографии, языка и культуры» (Уфа, 2006), на III Всероссийской тюркологической конференции «Урал – Алтай: через века в будущее», посвященной 110-летию со дня рождения Н.К. Дмитриева (Уфа, 2008), а также на итоговых конференциях Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН (2008-2012).

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и списков использованной литературы и информаторов с указателем собранных материалов.

Диссертация обсуждена на заседании отдела фольклористики ИИЯЛ УНЦ РАН, в отделе народного творчества ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова АН РТ и представлена к защите.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении дается историография изучения вопроса, обосновывается актуальность темы, формулируются цели и задачи, раскрывается научная новизна работы, определяются объекты и методы исследования.

В первом параграфе главы – «**Башкиры племени катай: их этническая история и песенная лирика**» – дается характеристика этнической истории башкир-катайцев, освещаются региональные особенности (быт, хозяйственный уклад, климат) и влияние их на фольклорные, творческие традиции.

Башкиры, как и многие тюркские народы, делятся на рода (бурзян, кипчак, катый, усерган, тамьян, юрматы и др.), расселившиеся на обширных территориях Южного Урала, Оренбургских и Курганских степей. Катайцы – один из крупнейших башкирских родов, связаны с кара-китайцами, с киданами, с тюрками. «Киданы и их наследники кара-китайцы известны около тысячи лет. Сведения о них сохранились с III–IV веков», – пишет Р.З. Янгузин. «Данный этноним часто встречается в исторической литературе. Бытуют такие названия, как кытай, ктай, хтай, хытай и др. Кроме башкир этноним катый встречается у казахов, каракалпаков, киргизов, узбеков, нугайцев и гагаузов»¹ а козгон-катайцы, идель-катайцы, инзер-катайцы, зилим-катайцы пришли в лесную зону приблизительно в XIV в. Местные жители же считают, что башкиры рода катый жили в этих местах с самых древнейших времен, подтверждает это известный русский ученый С.И. Руденко, считая, что горные башкиры могут быть одними из самых древних потомков савроматов в данном регионе².

По нынешнему административному делению эта территория относится к Белорецкому району РБ. По материалам VIII ревизии были зафиксированы 25 деревень, где проживали катайцы. В 17 из них были мечети и медресе. Ныне нами учтено около 50-и населенных пунктов. Во времена кантонного управления они относились к 27, 28, 29 и 30 дворам VII кантона. VII кантон относился к Верхнеуральскому уезду Оренбургской губернии и, в свою очередь, делился на 30 волостей, к середине XIX в. население составляло 54 147 человек³.

Восточные катайцы состояли из трех родов: оло-катый, ялан-катый, бала-катый. Ныне эта территория вошла в Кунашакский и Аргаяшский районы Челябинской области. Часть из них проживает в Белокатайском районе РБ. Ялан-катайцы осели еще восточнее, в нынешней Сафакулевской и Альменевской районах Курганской области. Таким образом, катайцы осели на обширной территории, с разными климатическими и географическими условиями, у них сложились разные типы жизненного уклада и быта, что и отразилось на развитии песенного, мелодического, обрядового фольклора.

Активные переселения и миграции в связи с восстаниями и преследованиями (1775–1776 гг.), насильной христианизацией и введением казачьей воинской службы в 1798 г. оказали влияние на духовную культуру. Отмечаются характерные для классического репертуара башкирского народного творчества мотивы, а также фольклор катайцев отличаются реалии отражения исторических событий, особый психо-ментальный строй и мелодика.

¹ Янгузин Р. Башкирские роды. – Уфа, 1998. – С. 77–78 (на башк.яз.).

² Руденко С.И. Башкиры: историко-этнографические очерки. – М.-Л.: АН СССР, 1955.

³ Магадеев Д. Кантоны // Агидель. – 2001. – №3. – С. 164 (на башк.яз.).

Во втором параграфе «Урал и родной край – центральные образы традиционных песен» исследуются идейно-художественные, частично мелодические особенности народных лирических песен катайцев, их взаимосвязь с местными традициями.

В репертуаре катайцев преобладают такие песни социального звучания, как «Древние катайцы», «Катайский байк», «Камни горы Лянке», «Кубэ таш» «Кагы», «Курташ», «Артылыш», «Древний Урал», «Яман-тау», «Кырака» и др.

Установлено, что в башкирской духовной культуре песня и её история (предание или легенда) представляют целостное, художественное, эстетически неразрывное единство. В целях воссоздания целостной картины, песенные традиции анализируются с их преданиями, легендами. В связи с этим по методологии русских советских музыковедов А.А. Мезеля и В.А. Цукермана, также Р.С. Сулейманова сделан целостный анализ – выявление образного содержания произведения благодаря изучению комплекса средств музыкальной выразительности¹. Легенды-предания и тексты песен непосредственно отражают быт, природу и место проживания башкир. Местные реалии, климат, быт, топонимия получили отражение в фольклоре катайцев.

Образ горы Урал у башкир олицетворяет Родину и отчий край, находит отражение в эпических сказаниях, кубаирах, сказках и песнях. В песне, ставшей своего рода гимном башкирского народа, мотивы преклонения перед красотой родной природы, повествование о судьбе родины, родной земли и истории народа сочетаются с призывами её защиты и обережения.

Башкирская народная песня «Урал» – одна из наиболее широко известных. С древнейших времен все народные собрания (йыйыны) открывались этой песней, о чем гласят легенды. В некоторых родовых шеджере (родословная) время возникновения песни связывается с событиями XVI века. В ней повествуется о добровольном вхождении башкирского народа в состав Русского государства. Были выбраны послы к царю Ивану Грозному: из рода бурзян – Карагужак-бий, тамьянцев, катайцев – Шагали Шакман бий и т.д. Башкиры получили вотчинные права на свои земли. Предание гласит, что в честь решений Белого царя представители семи башкирских родов собрали джиен-сходку: борцы боролись, лучники соревновались в меткости, а сказители – в красноречии. А одним из певцов-сказителей был сочинен озон-кюй «Урал», который стал единым народным напевом для всех родов³. Так, история песни опирается на реальные события. Урал-тау – священное место для башкир, которому посвящена и песня лиро-эпического плана. «Урал» звучит как клич, гимнический призыв к консолидации башкирского народа и как завещание предков:

¹ Мезель А.А., Цукерман В.А. Анализ музыкальных произведений. – М.: Музыка, 1967. – 762 с.; Сулейманов Р. Жемчужины народного творчества Урала. – Уфа: Китап, 1995. – 248 с.

Синея, раскинулась, ай, Урал-тау,
Отцов и дедов исконная земля!

В легенде, записанной М. А. Бурангуловым, отражены эти же реалии, но отмечается мотив вражды родов. В честь заключения мира собрались в Йыйын представители семи родов и поклялись жить в мире и согласии. Один из сэсэнов исполнил эту песню»¹.

Башкирская народная песня «Урал» имеет множество вариантов, часто конкретизируются место и время событий. В приведенной выше легенде указывается место встречи – склоны горы Кыркты, принадлежащих территории нынешнего Белорецкого района РБ, т.е. земля катайцев. Эта песня активно бытовала и в памяти ялан-катайских башкир: так, уходя из родных земель, предки уносили и свои песни.

Локальность содержания песни «Урал» маркируют названия мест, особенности отражения быта, природы и т.д. Обычно певец описывает природу именно своего края, его красоту, перечисляет те или иные названия местности, например, «Берега Малого Инзера», «Ямантау», «Кырака» и др. Таким образом, песня выполняет роль своего рода «паспорта» места жизни катайцев.

Любовь к Родине передается через содержательные образы и яркие художественные приемы: отражаются нежные чувства к родной земле («Всем землям матерью стал ты Урал»). Передается священность исторической памяти, перемежающаяся с клятвенностью за землю, за которую проливали кровь из века в век предки («Если вырежу тальник для погонки коня, сочтется из него кровь батыров дорогих»). Народная песня – своего рода генетический код этноса, играет роль поэтического свода об истории народа. Песня «Урал» сыграла выдающуюся роль в объединении родов и духовном развитии народа. Мотив консолидации народа особенно четко отражен в одном из его вариантов песни «Урал», раньше называемой – «Семь родов». Как отмечает С. Галин, Тук-Соранские башкиры до сих пор используют это название². Отроги Урала – это места, где с давних пор жили семь родов, что отражается и в содержании, и в направленности, эмоциональном настрое песни («Рода свои воедино сплотил он, Урал»), понятия родины, Урала и родной земли в песне неразделимы.

У башкир, по разным историческим и общественным причинам оказавшихся вдаль от Урал-тау, песня «Урал» получила различное развитие. Наряду с признанием Урал-тау центром проживания башкирского этноса, имеет место тоска и ностальгия по родной степной земле. Исходя из контекста отмечается, что вариант песни «Семь родов» возник сравнительно позже, скорее всего в начале XIX века³.

¹ Бурангулов М. Легенды и предания башкирского народа. Рукопись. Фольклорный кабинет Уфимской государственной академии искусств. им. З. Исмагилова.

² Галин С.А. История и народная поэзия. – Уфа, 1996. – С. 182 (на баш. яз).

³ Янгужин Р.З. Башкирские рода. – Уфа, 1998. – С. 79 (на баш. яз).

В одном из вариантов песни «Урал», записанной нами в Курганской области, находит поэтическое отражение ностальгия по Уралу. Выразителен образ коня, который, несмотря на путы, стремится к родным местам. Для него горно-лесистые склоны Урал-тау ближе и родней, чем лесостепи. Душа лирического героя – джигита тоскует по природе Урала, даже камни Урал-тау дороже любого золота, т.е. каждый кусочек родной земли бесценен: «Золото ли, серебро ли Камни горы Урал?!».

Вариант песни «Урал», записанный в Аргаяшском районе Челябинской области, также возник в степной полосе. Примечателен мотив предостережения слушателей о необходимости сохранения и защиты родной земли. В песне «Джигит Урала» символические образы, как крик и тулпар, наряду с описанными событиями, несут определенную информацию о быте, жизни, также стремлениях народа: звучит как бы поэтическое обращение к потомкам: мы, жители Урала, должны быть честными, смелыми, должны стремиться быть «сильными и вольными как крик».

Песня «Древний Урал» («Боронго Урал»), со своей легендой, записанная нами у старейшего кураиста Т. Латыпова, имеет бытовой характер. Локальность её подчеркивает и кураист: «песня появилась и распространилась только в наших краях»¹, т.е. среди башкир: инзер-, идель- и козгон-катайцев.

Таким образом, песня «Древний Урал» существенно отличается от произведений, связанных с этим топонимом, отражается мировоззрение человека, стремившегося к будничной, мирной жизни, ностальгия по степной дали и одновременно присутствует восторг Уралом.

Еще один вариант этой песни, распространенный среди катайцев – «Карт Урал» («Старый Урал»), исполняли и башкиры рода барынтабынцев². На наш взгляд, песня «Старый Урал» принадлежит и иделькатайцам, т.к. с давних пор она входит в музыкальный репертуар многих кураистов катайцев (Т. Латыпова, М. Тулебаева, М. Салимова и др.).

Описание красоты природы в песнях традиционно ведётся параллельно с душевными переживаниями, применяются яркие художественные средства. В «Песне о летовке» (вариант песни «Урал») лаконично, философично и ёмко передается тема о быстротечности жизни: «прошло сорок лет, словно как вчера». В песне «Осталось» («Калды») переживания человека преклонного возраста передаются в контрасте с временем (весна – пора новой жизни) и символике цветов. «Склоны Урала, ай, как прекрасны, Покрылись они желтыми цветами» (желтый цвет отображает тоску, печаль).

Башкирские народные песни, посвященные реке Агидель, исходя из ареала распространения, условно можно разделить на две группы. В первую группу входят произведения общенационального характера и их варианты («Агидель», «Берега прекрасного Агиделя») («Йәмле Ағизел

¹ Записано соискателем в 1996 г. от Талипа Латыпова, уроженца д.Рысыкай Белокрыжского района РБ.

² Ильясов С. Душе иногда грустнее... // Ватагдаш. – 2007. – №2. – С. 117 (на баш. яз).

буйзары») и др, во вторую – песни, ареал распространения которых не простирается дальше нынешнего Белорецкого района РБ («Агидель», «Начало Иделя» («Изел башы»), «Камни Агиделя» («Ағизелдең таштары»), в которых наиболее полно раскрываются локальные особенности песенного фольклора башкир-кайтацев (указываются географические названия, самобытный образный мир, мелодика и т.д.).

Инзер – одна из крупнейших рек Республики Башкортостан, берет начало с хребтов Ямантау и впадает в реку Сим, на своем пути проходит через территории Архангельского и частично Кармаскалинского районов. Об этой красивой горной реке сложено много песен: «Инзер», «Берега Инзера» («Инейәр буйы»), «Прекрасные берега Инзера» («Йәмле Инейәр буйзары»), «Ивы берегов Инзера» («Инейәр буйы бөзрә тал»), «Берега Малой Инзер» («Кесе Инейәр буйзары») и др.

Песенный фольклор кайтацев располагает всеми поэтико-стилевыми особенностями, присущими башкирским народным песням (распевность, мелодичность, связь с реальным бытом и природным окружением), также обнаруживает локальные черты (конкретность названий мест, образы и символы, принятые в традиционном творчестве кайтацев, психологические мотивы раздумий о родной стороне и т.д.).

Творчество носителей культуры является неотъемлемым условием развития народного творчества. Непревзойденным мастером исполнения народных мелодий, песен был Талип Латыпов (уроженец дер. Рысыкой Белорецкого района), благодаря творчеству и памяти которого сохранились такие произведения, как «Древний Урал» («Боронғо Урал»), «Агидель» («Ағизел»), «Рысыкай» («Рысығай»), «Камни Кагы» («Кағы ташы»), «Курташ», «Артылыш», «Осталось» («Калды»), «Ямантау», «Ишкулов», «Казачий» («Казак маршы»), «Старинный военный марш» («Боронғо хәрби марш»), «Вор Юлтый» («Юлтый карак»), «Сухановский» и др. Кроме них имеются отдельные варианты широко известных народных песен: «Маршрут», «Семь девушек» («Ете кыз»), «Форт-Перовский», а также мелодии эпоса «Куныр буга» («Бурая корова»). В 1978 г. в Ленинграде фирмой «Мелодия» выпущена пластинка 22 мелодий башкир-кайтацев, большая часть которых исполнена Т. Латыповым.

Выдающийся народный мастер сохранял исполнительские манеры, стиль народного музицирования (глубокое грудное звучание голоса, богатство и мера мелизматика, длинное дыхание). Песни его репертуара содержательны, образно богаты.

Во второй главе «Эпические произведения и исторические песни кайтацких башкир» анализируются лиро-эпические жанры фольклора кайтацких башкир.

В первом параграфе исследуются эпические и лиро-эпические произведения: стихотворные кубаиры, исторические песни и байты, связанные с реальными событиями.

Особо важное место в репертуаре кайтацких башкир занимают **эпические сказания**. Варианты или некоторые фрагменты, осколочные

части эпических сказаний «Урал батыр», «Конгур Буга», «Алпамыша» сказываются старожилыми с напевами, речитативами. Своим происхождением они в определенной, если не в значительной степени связаны с местами проживания катаяйских башкир. Подтверждением тому являются упомянутые в произведениях названия конкретных топонимических объектов: гор и рек современного Башкортостана (*Кыркты, Ямантау, Агидель*). Самый крупный, общечеловеческой ценности башкирский эпос «Урал батыр» отражает мифы, философию, идеалы народа о жизни, архаичные реалии древнейших времен. Возникновение эпоса связывается с действиями мифических героев-первопредков, демиурга Урала, имя которого впоследствии становится названием Уральских гор. Некоторые отрывки эпоса до сих пор сохраняются в памяти народа.

Эпическое произведение «Кунгур буга» построена на поэтическом описании путешествия героини эпоса по имени Тандыса по Уральскому хребту в поисках пропавшего стада подаренных ей на свадьбу коров. Вожак стада Кунгыр-буга увел корову с телятами на южные отроги Урала к дому родителей девушки. По дороге героиня поет песни о величественной природе Урала, деяниях башкирских батыров. Пение периодически прерывается призывными звуками, обращенными к Конгур-буга. Они напоминают заклинания, с которыми в древности обращались к мифическим покровителям стада.

По материалам, собранным на территории Белорецкого района, сохранились сведения о дороге «Канифа» («Канифа юль»), проходящей по земле катаяйского и тамъянского племен. В тексте песни перечислены основные географические объекты, расположенные по этой дороге – горы Курташ, Ряз, Иремель, Кыркты, Алатау. Эти географические названия, являются своеобразными свидетельствами региона создания эпоса-кубаира «Куныр буга» («Конгур-буга»).

В памяти народа ещё устойчиво сохраняются кубаиры об Агидели (дословно Белая река). В кубаире – эпическом сказании «Изел йорт» (Идель-родной край/ Родина-Идель) восхваляется отчий край, которого олицетворяет река Агидель. Слово «Йорт» обобщает понятие родины, святого места проживания башкир. Кубаир «Идель башы» также является репертуарным у катаяйских башкир. Наряду с восхвалением родного края, в этих лиро-эпических сказаниях выражается и тревога за Идель-йорт в связи с расхищением земель и построением заводов.

Часть исторических песен посвящена главам кантонов. Песня «Сибай кантон» – одна из широко распространенных и популярных исторических песен этого цикла. Ее возникновение связано с именем исторической личности родом из нынешнего Баймакского района – кантона по имени Сибай. В серию «Башкирское народное творчество» вошли четыре варианта песни, два из них связаны с племенем катаяйцев.

Согласно легенде песни, Сибай кантон некоторое время исполнял обязанности старшины в Тамъян-Катаяйской волости, снискал уважение со стороны населения, что образно отразилось и в песне. По мнению

некоторых исследователей, мотив назначения Сибай кантона начальником войска перешел из другой песни.

Яу башлыгы булып, ай, мин киттем,
Катай менән Тамъян иленә.
Аж корбандар салып, нәзер эйттем,
Кайтһам ине тыуган илемә.

Военачальником я ушел
В страны Катая и Тамьяна.
Обет даю, принося жертву,
Вернуться бы в родные края.

Как видно из первой строфы песни, Сибай кантон оказался на земле китайцев и табынцев не по своей воле. Исторические сведения об этом приводятся в легенде «Сибай кантон»¹. Глубоко образно раскрывается тоска героя по родным местам, жене и родственникам:

Алыстан да, ай, күренгән,
Изел башы, Ирәмәл тау микән?
Эйттегезсе сәләм Фатимаға,
Безең нәселдәр иҫән-һаумы икән?

Издаека видны, далеко
Начало Иделя – Иремель-гора ли?
Передайте привет Фатиме,
Наши родные живы-здоровы ли?

В песне Сибай кантон предстает как личность с развитым чувством справедливости, защитник, который горячо любит свой народ, Родину. Он отважный воин, но с лирической нежной душой, восприимчивой к красоте природы, сильно тоскующей по далекой родной земле.

В репертуаре или корпусе башкирских исторических песен известны также песни, связанные с именем Гайса. Две из них посвящены исторической личности Гайсе Расулеву. По данным фольклориста Салавата Галина, он был муллоу в деревнях Ялысгол и Ауш (ныне Учалинский район РБ). После начала русско-японской войны добровольцем ушел на поле битвы, был главным военным муллоу. Вместе с тем, он был известен как искусный певец-сэсэн.

Песни классического типа о беглецах также относятся к жанру исторических песен, в них отражены мотивы недовольства общественными порядками, социальным неравенством. Как отмечает Кирей Мэргэн, «Исторические корни песен этой подгруппы связаны с борьбой против колонизации. В них отражены мотивы борьбы против социального неравенства и колониального гнета»².

Центральный герой песен о беглецах – положительный герой, защитник слабых, угнетенных, пострадавший за свои убеждения и взгляды, часто сосланный в Сибирь и сбежавший оттуда бунтарь. Его можно соотнести с одним из известных в мировой литературе героем-легендой Робин Гудом. В диссертации дается идейно-художественный анализ песням («Беглец Камал», «Курташ», «Аргужа» и др.), созданным в XVIII–XIX вв. башкирами-китайцами.

Песня «Кизягас» занимает особое место среди башкирских исторических песен. Озеро Кизягас расположено в Аргаяшском районе, имеет второе название Тирягас³. Основываясь на легенде песни, записанной у

¹ БХИ, Риүэйәттар, легендалар. – Өфө: Башк. китап нәшр., 1980. – 416 б.

² Кирей Мэргэн. Башкорт халык ижады. – Өфө: БДУ, 1981. – 127-се б.

³ БХИ – Өфө, 1974. – 325-се б.

Сафаргали Султанбекова, Д. Валеев утверждает, что ее возникновение связано с башкирскими воинами, которые принимали участие в восстаниях под руководством Салавата Юлаева и попали в руки карателей¹.

В песне описываются трагические события, тяготы, постигшие башкирский народ после Крестьянской войны. Как известно из истории, были сожжены заживо многие башкирские деревни. Об этом доносятся короткие строки: “Һирәк-һирәк калған эз ауыл” (“Редко-редко, где остался аул”).

Таким образом, песня «Кизягас» не только описывает события истории башкирского народа через определенные образы, но и является своеобразным свидетельством драматического периода жизни башкир.

В башкирском народном творчестве бытует огромное количество фольклорных произведений, связанных с Ямантау, на склонах которого с давних лет жили инзер-катайцы и козгон-катайцы – это песни, легенды и предания. Исходя из содержания, идеи-тематики и ареала распространения, различаются две группы: первая связана с древнейшими мифологическими представлениями народа и вошла в башкирский классический эпос (в эпосе «Урал-батыр» рассказывается, что Ямантау возник из останков дивов, изрубленных Урал батыром). Эпос этот является великим достоянием башкирского народа. Имеющиеся конкретные названия мест, мотивы быта, флоры, отраженные в эпосе, связывают его с творчеством катайцев.

Вторую группу образуют произведения, возникшие на землях катайцев, имеющие сугубо локальный характер – «Гора Ямалекяй» («Йә-мәлекәй тау»), также бытуют сравнительно малознакомые – «Ямантау» (досл.: «плохая (злая) гора»). В начале XX в. М. Кулаев записал около семидесяти народных песен катайцев, среди них имеется и эта историческая песня. Коллекция-собрание песен хранится в Научном архиве УНЦ РАН.

Существуют несколько вариантов песен о горе Ямантау, история возникновения их схожа. В одной из легенд повествуется следующее: «В давние времена русские генералы и помещики стали скупать у наших дедов за бесценок земли. Наши деды, не задумываясь, стали их дешево продавать. Приехал однажды какой-то помещик и стал раздавать катайцам чугунные чайники. Говорят, стал угощать старшин и баев водкой, а сам, не отрываясь, рассматривал Ямантау... Разгоряченные напитком старшины и аксакалы поставили свои тамги на купчую. Только один молодой джигит выступил против. Но его даже не стали слушать. Тогда он ушел в горы, поднялся на самую вершину Ямантау и, рыдая, сложил эту песню»².

¹ Вәлиев Д.Ж Арғаяш башкорттарының ауыз-тел ижады комарткылары // Ватандаш. – №5.

² Записано Л. Галистановой в 1983 г. от Галистановы Салимгарея (1906–1985 гг.) в Белорецком районе.

В исторических песнях «Ямантау» и «Гора Ямалекяй» проводится идея о том, что потеря горы равносильно духовному и физическому обессиливанию народа. Глубоко драматичны переживания героя в связи с тем, что продали Ямантау – святые места захоронения батыров и святых – авлия. Погребение на горе, родной земле доспехов убитых на поле брани батыров или святых – эти древний обычай тюрок, далее поклонение могилам святых продолжается в исламских (суфийских) традициях. Таким образом, тяжелые переживания из-за продажи родной земли еще более усиливаются осознанием потери «земли святых» («әүлиә ере»). Прощание с горой Ямантау имеет подтекст не столько материального, сколько духовного плана. Значимость Ямантау в духовной жизни народа подчеркивается идеей, что здесь жили предки, гора – кормилица и краса. Все эти идеи образуют целостность замысла: и гражданский пафос, и драматизм, и художественная самоценность песни звучат едино. Продажа земель вокруг Ямантау вызвала широкое недовольство в народе, и, как гласит песня, «Дошла до царя, говорят, весть о продаже горы Ямантау».

Во втором варианте песни, связанной с предыдущей легендой, в «Йәмәлекәй тауы» («Гора Ямалекяй») дается конкретная фактическая информация о том, за сколько продали эти земли: «Говорят, продали гору Ямалекяй, за двенадцать тысяч бумажных рублей...» Этим упоминанием острее передается горечь потери, осуждение равнодушных и наивных.

Художественная мотивация этих песен имеет исторические основы. В строках есть песни, отражающие реальные события. Так, в 1806 г. походный старшина Ю. Таймасов и З. Мунасилов подают жалобу на землемера Венчанского и помещика И. Демидова о неправильном межевании мест Инзерского завода. В 1809 г. Юламан Таймасов от имени 860 катайцев обращается в верховные власти с письмом по поводу горного инженера Мануйлова, который обманым путем передал 34 рудника помещикам Пашковым. Таким образом, в песне прослеживаются исторические факты.

Обе песни связаны общей темой: продажей вотчинных земель. Однако эту тему нельзя назвать локальной особенностью данных песен, т.к. описания таких исторических событий характерны для многих башкирских народных песен. Это отмечал и профессор А. Харисов¹.

Фольклорист Кирей Мэргэн песню «Гора Ямалекяй», наряду с такими, как «Башкирская земля» («Башкорт ере»), «Дремучий лес» («Кара урман»), «Берега Сазы» («Сәзе буйы») и др. включил к историческим песням о колонизации Башкортостана².

Таким образом, в песнях «Гора Ямалекяй» и «Ямантау» отражены реальные события, произошедшие на земле катайцев (гора Ямантау, его продажа, споры, тяжба катайцев и др.), и наличествуют общие

¹ Харисов А. Художественное наследие башкирского народа. XVIII–XIX в.в. – Уфа, 1965. – С. 112–113. (на башк. яз.)

² Кирей Мэргэн. Башкирское народное творчество. – Уфа, 1981. – С. 124 (на башк. яз.)

традиционно-песенные особенности (идея-тематика, мелодика, музыкальная форма).

Гора Зильмердак (Елмерзэк) – один из крупнейших хребтов Южного Урала. Существует несколько исторических песен об этой горе. В песне «Зильмердяк», записанной в 1971 г. в д. Сафаргул Белорецкого района, описываются душевные переживания человека, прощающегося со своей малой родиной.

Култ поклонения и обожествления родных мест у башкир существовал с древнейших времен и нашел отражение в песенном фольклоре: «ничто не может заменить родину, погасить печаль души, так я жажду увидеть родную страну». Герой даже согласен «вернуться покойником, лишь бы быть погребенным в родной земле». Мотив желаний обрести последний покой на родной земле – наверное, один из сильнейших поэтических приемов, иллюстрирующих любовь к родине. Лирический герой готов написать «истории» на камне, лишь бы кости вернуть на родину. Этот мотив встречается в ряде песен. В песенную художественную ткань он включается как один из самых выразительных для передачи идеи единения с родной землей.

Отдельную подгруппу башкирских лирических песен составляют лиро-эпические песни, посвященные женщинам. Они созданы на стыке песен и баитов, поэтому их условно можно назвать песнями баитами. Многие из таких песен имеют свою историю. Гора, расположенная около д. Казыш Белорецкого района, называется «Гора Зульхизы» и своим названием обязана легенде, распространенной среди катайцев, записанной нами: «В давние времена в деревне жила молодая красивая девушка по имени Зульхиза. В весенне-летние времена она любила играть на склонах горы. В один из прекрасных летних дней ее выкрали беглые (жаскындар)». В память о девушке односельчане сложили песню. Содержание песни-баита «Камила» обнаруживает сходства с анализированной выше (повествуется о трагической судьбе молодой девушки, похищенной преследуемыми).

Для рассмотренных выше исторических песен характерны широкий диапазон и сложные мелодические рисунки, эмоционально-экспрессивная насыщенность, поэтичность образов. Исследование показало, что среди башкир-катайцев бытует огромное количество народных песен социального звучания, связанных с местными топонимами и историческими преданиями. Они являются яркими свидетельствами любви и привязанности народа к своей родной земле.

Во втором параграфе «Общие и локальные особенности песенных мелодий» изучаются особенности мелодий. Песенный и мелодический фольклор катайцев богат и разнообразен: имеются протяжные, короткие, плясовые, игровые, эпические. Многие из них остались в памяти народа без текстов и истории происхождения; видимо, сказались время, исторические обстоятельства. Большой репертуар мелодий бытует в памяти народа по сей день. Выявлены такие, как: «Камень Ка-

гы» («Кағы ташы»), «Катайский байк» («Катай байығы»), «Мелодия Халита» («Хәлит кәйе») и др. «Катайский байк» сохранился в памяти народа благодаря репертуару таких кураистов старшего поколения, как Т. Латыпов и М. Тулебаев, уроженцев Белорецкого района. Исполняется в умеренном темпе и ровном ритме. Диапазон исполнения по сравнению с протяжными песнями сравнительно полнее. Состоит из двух темпов и по ладовой природе относится к мажорной пентатонике (нотные тексты песен даются в диссертации).

Мухамет Тулебаев (1944 г.р.) – яркий представитель истинных хранителей народного творчества, талантливый исполнитель народных произведений, кураист и певец, на сцене выступает с 18 лет, его наставник и учитель – Талип Латыпов. Закончив БГУ, работал учителем, своими выступлениями восхищал зрителей Франции, Египта, Сирии, Греции, Италии, Турции и др. Он – третий башкирский кураист, выступавший на Эйфелевой башне Парижа. Обладатель густого грудного баритона, умело передает древнейшие интонации эпического сказаний «Хромой конь», «Кара юрга», многие мелодии исполняет, сопровождая горловым пением – узляу. В репертуаре М. Тулебаева сохранены редкостные мелодии, распространенные в верховьях Идели – «Исрафил», «Камень Рязь», «Древний военный марш», «Абдельман», «Бузяна» («Перепелка»).

Своим творчеством он внес большой вклад в сохранение народных песен, мелодий. Подробный анализ большого фактического материала представил возможность отчетливо проследить локальную специфику, выявить особенности истории происхождения песен, которым свойственна яркая образность, поэтическая, мелодическая выразительность.

Третья глава – «Особенности обрядового фольклора катаяшких башкир». Обрядовый фольклор является одним из самых древних видов народного творчества, возникновение его многие ученые относят к временам первобытно-общинного строя. Фольклорист Кирей Мерген считал, что это наследие имеет различия локального характера. Однако во многих чертах (функциональность, синкретичность, каноничность) он универсален. Обрядовый фольклор отражает представления, философию, мировоззрение древних, также бытовые, трудовые реалии, включает не только слова, песни, но и действия: танцы, игры, предписания, нормы поведения. Так формируется единый для данного рода творчества комплекс обычаев и ритуалов, норм тех или иных действий.

Фольклорист Р.А. Султангареева отмечает, что «Обряд – это модель достижения благополучия и установления порядка, гармонизации отношений»¹.

В первом параграфе «Верования и обряды, связанные с природными явлениями» исследуются древние мировоззренческие пласты катаяшцев и связанные с ними обряды.

¹ Султангареева Р.А. Жизнь человека в обряде. – Уфа, 2006.

Некоторые обряды катаяцев дошли до наших дней в трансформированном виде. В основе многих из них угадывается влияние доисламских верований. Таковы призывы ветра свистом, словами, обращения к небу с просьбой о дожде, «остановки» дождя «рубкой тучи» топором и др. Некоторые обряды нашли совмещение с постулатами ислама и получили второе рождение. Например, праздники Нардуган, Науруз пополнились исламской символикой, Ураза-байрам и Курбан-байрам полностью связаны с исламом.

Башкирский йола (обряд) многомерен и многофункционален. Обрядовые действия и предписания действуют и как нормативы поведения, и как правила хозяйствования, здравоохранения, и как принципы творчества. Потому обнаружение и описание сохраняемых в народе норм, традиций нами подаётся как формы йола – обрядов.

В исследовании обрядового фольклора катаяских башкир мы основываемся на принципах классификации Р.А. Султангареевой и А.М. Сулейманова, которая вобрала наилучшие черты ранее предложенных систем и отличается новым научным подходом¹.

Обряды, связанные с вызовом дождя или ее прекращением, связаны с обожествлением неба, ветра и небесных светил. Согласно ибн Фадлану, у башкир было двенадцать божеств (раббы: бог неба, бог лета, бог зимы, бог ветра и др.)². Представляя дождь «тётей», обращались к небу, приговаривали заклинания с просьбой дождя: «Тетушка дождь, лей, лей! Масляная кашка – в котле, Красивая ложка – на базаре, Молочная корова – на лугу, Корова без молока – на азбаре (хлеве!) Тетушка дождь, лей, лей!»³

Некоторые обряды сопровождаются пантомимическими элементами. Часто используют орудия труда, предполагая, что они усиливают магическую силу слова: во время сильного дождя вбивают топор обухом в землю, представляя острие к небу, приговаривают речитации (или без них). Подобные обряды, сохранившие архаические представления, были зафиксированы нами в с. Ассы Белорецкого района РБ.

Существует древний обряд, сохраняющийся только в данной зоне (д. Ассы, Бриш, Бриштамак, Искушта, Мулдакай Белорецкого района РБ). Культовый камень, известный как «Йэй ташы» («Камень лета»), катаяцы ласково называют «Колонташ», «Колокас таш», «Ташколон» («Камень-жеребёнок»), т.к. раньше он по форме напоминал жеребенка. Камень находится в шестнадцати километрах от д. Ассы.

Известно, что бог Лета у древних башкир представлялся в облике коня. По мнению М. Сагитова, в давние времена Ташколон был святым

¹ Обрядовый фольклор башкирского народа // Башкирское народное творчество. Т. XII. – Уфа, 2010. – С. 10-25.

² Ковалевский И.П. Книга Ахмеда ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 годах. – Харьков: Изд-во Харьковского ун-та, 1956. – С. 131–132.

³ Записано в 1996 году соискателем от Хабибуллы Гилманова (1910–1996г.г.) – уроженца д.Ассы Белорецкого района.

местом, местом поклонения башкирских родов инзер-катайцев, тамьянцев и кумырык-табынцев. Возле камня проводились собрания (йыйыны), приносили жертву с заклинаниями¹. В связи с этим возникли особой силы сакральные ритуалы.

Во время засухи или, наоборот, обильных дождей, старейшины рода, совершив омовения, выезжали к камню. Брли с собой топленое масло или животный жир, веревку. Если была засуха, читали молитвы, речитации, затем, взяв небольшой камешек с Колонташа, привязав ее предварительно веревкой, клали в ручеек, протекавший недалеко. Веревочка была необходима для того, чтобы потом камешек вытащить обратно и положить на прежнее место. Произносили речитации:

«Во имя Аллаха милосердного! Пусть будут дожди,
Да принесет приплод домашний скот,
Да будет урожай!

По свидетельству информантов через несколько часов после обряда чудодейственным образом начинался дождь. Если он продолжался долго, старейшины совершали другое действо. Вытащив камешек, обмазывали его маслом или жиром и клали на сушу. Все действия сопровождалось заклинаниями и молитвами².

Схожие обряды, связанные с культом камня, совершаются на территории Баймакского района, где проживают бурзянские башкиры. Камень «Йэй ташы» состоит из двух каменных глыб, одна из которых в народе называлась «мать», другая, более крупная, – «отец». Во время засухи их мыли, поливали водой, а во времена проливных дождей обмазывали маслом³. Оба обряда связаны с названием «Йэй ташы», обнаруживая культ солнца и камня. Возле них поньше проводятся функциональные действия. Универсальна в обрядах идея культа воды, камня, вызывающих водную стихию, масла – умиляющего летнюю жару и призывающего, по верованиям, благодать.

Обряды имеют существенные различия: у башкир-катайцев обряд совершают старейшины и осторожно обмазывают камень, бурзяне отламывают кусочек глыбы, кладут в ручеек и моют. Катайцы собирают камешки, кладут в воду (для дождя), убирают в сушу (для прекращения). Этот обряд восходит к древнейшим воззрениям, связанным с культом камня и своей устойчивостью в практике проецирует глубинную этногенетическую память катайцев

Во втором параграфе «Хозяйственные и семейно-бытовые обряды и народные праздники» изучаются семейные (свадебные, родинные) празднества, а также правила и предписания хозяйственно-бытового

¹ Сагитов М.М. Культ животных в башкирском фольклоре // Исследования по исторической этнографии Башкирии / БФАН СССР. – Уфа, 1984. – С.74–81.

² Фольклорный фонд кафедры башкирской литературы и фольклора БашГУ. – Ед.хр.211

³ Б.Н.Т. Обрядовый фольклор. – Уфа, 2010. – С. 124-125.

характера (рубка деревьев и подготовка сруба, особенности сбора целебных трав, правила первого выгона скота и т.д.).

Семейно-бытовые обряды составляют большой раздел фольклора башкирского народа. Собран богатый фактический материал по этим обрядам. Однако многие до сих пор не зафиксированы и не вошли в научный оборот. В диссертации анализируются семейно-бытовые обряды, записанные нами на территории Белорецкого района РБ и в Аргаяшском районе Челябинской области.

В памяти и обрядовой практике народа сохраняются обряды сватовства, трехдневной свадьбы – туй, «изгнания» сватов с последнего свадебного застолья, хождение невестки к источнику воды и «выкуп» воды, произнесение благопожеланий невестке. Примечательно, что до сих пор сохраняются обычаи «кормления» огня (невестка бросает в очаг жир, масло), игровые обруживания сватов, гостей после последнего застолья и т.д. Так, в свадебно-обрядовом фольклоре катайцев сохраняются следы древних традиций: покрывание головы невесты платком, (обережная магия), выкуп приготовленных рукоделий невестки (бирнэ карау). Структура обряда сохраняет целостность, но вместе с тем, многие ритуалы выпали из сценария; причитания, благопожелания исполняются «в стиле» жанров, время свадьбы сократилось до трёх дней.

Довольно устойчивы народные предписания и нормы ведения хозяйственно-бытовой деятельности.

До наших дней в этнографической литературе преобладает мнение, что башкиры жили, в основном, в юртах. Они, как все полукочевые народы, весной выезжали на кочевки, а осенью возвращались в деревни (кышлау). Дома обычно были срублены «в чашу», как писали ученые-этнографы С.И. Руденко, С.Н. Шитова и др.

При строительстве дома соблюдали необходимые правила. Хозяева должны хорошо угощать участников помочи (өмэ); все желают хозяевам, чтобы основа их дома была благодатной и счастливой. После установки фундамента проводят обряд «каша основы» («нигез буткаһы»). В народе считалось, что при этом условии дом будет благодатным, а хозяевам уготовлена беспечная и сытая жизнь. Так обыгрывается магия пищи, сытости, которые, по логике древних, «призывают» подобное. Специально допускают детские игры, бега на фундаменте, полагая, что детские голоса, увеселения усиливают будущее семейное счастье. Имеется и рациональное зерно в действиях: бега детей «ускорят» оседание фундамента. Обряд специальных увеселений относится к магии ритуального смеха, имеющего производительные силы. Дети произносили речитации: «Пусть счастливым будет новый сруб. Пусть будут новые радости. Пусть принесет счастья и благополучия!». За это взрослые одаривали детей: считалось, что их пожелания святы. Во время работ хозяева готовили угощения и для лошадей. В обычае прослеживается народный этикет почитания домашних животных – «хайуанға ла һебә биреү кәрәк» (и животному нужна его доля).

Сбор кислицы, целебных трав жителями горно-лесной зоны проходит после весенних праздников «Кәкүк сәйе» («Чай кукушки»), «Карға буткаһы» («Воронья каша»).

Соблюдаются в этом процессе все ритуальные компоненты: сбор трав организует и проводит женщина – знаток мест; все, приходя в лес, произносят пожелания, умиловительные заклинания («наполняйся мой туесок, наполняйся!»). Во время хождения по травы пожилые женщины рассказывают сказки, легенды о местах родных, рассказы, предания; по возвращении в деревню благодарят пожилых и угощают их кислицей или черникой. В обычае проводится идея культа старшинства и предков. Примечательно, что в бытовой ситуации, как было принято в воспитательной практике башкир, в процессе работы (сбор пищи, сенокос и т.д.) естественно велась непрерывная передача знаний, информации, этикетное общение с подрастающим поколением.

Примечательны родинные обряды. Бабушки, женщины по обычаю приносят роженице угощения, подарки, произносят благопожелания. В банных купаниях произносятся приговоры. В содержании, тематике купальных (парильных) текстов сохраняются следы магических оберегов («не дитя (человека), а медвежонок, волчонок» в бане), идеи «усиления» рук во время хлестания веником («не мои руки, а руки Гайши и Фатимы!»). Традиционно сохраняются в текстах мотивы сакрализации пространства («не та баня, что приготовлена отцом, не та баня, что затопила мать») и т.д.

Примечательно, что традиционные банные речитации и колыбельные песни катайцев обнаруживают сходства с аналогичными, распространенными у многих этнических групп культурными текстами. Отличия и своеобразие связаны с названиями мест, птиц, животных, обитающих в крае. Современные колыбельные зачастую представляют стилизации традиционных песнопений и тем самым отражают процессы вторичного фольклоризма: в стихах описываются колыбельные традиции, обряды имянаречений и т.д.

Современные колыбельные песни постепенно теряют свое магическое значение, начинают преобладать эстетические, дидактические мотивы. Бишек йыры – это общее название. В каждом регионе имеются свои названия колыбельных: в Учалинском, Абзелиловском, Баймакском районах – это «сәңгелдәк, һәлемсәк йырзары»; в Альшеевском, Миякинском и Аургазинском районах – «сиртмә эйтеү, сиртмә кейә». Этимологическое разъяснение таково: «һәленеү» от слова висит, «сиртмә» семантически означает «прорезанное дерево», т.к. колыбель делали из дерева.

В содержательных, имеющих воспитательную направленность парильных заговорах даются уроки этикета, сведения о необходимости знаний и учёта статуса, как взрослых, так и детей: «Называй отца «отцом», называй мать «матерью», называй сестру «сестрой», называй брата «братом», называй деда «дедушкой», называй бабушку «бабушкой»!..

Обычай произнесения парильных заговоров сохранялся на территории Белорецкого района (д. Ассы, Нижняя Тюльма, Ямашта и др.) до 80-х годов XX в. Поньше некоторые бабушки купают детей, произнося приговоры, пожелания.

Застолье – одно из традиционных ритуалов, в народном быту сохраняющихся в своей целостности, каноничности: выбирается специальный человек, разливающий напиток (көрэгәсе), раздающий напиток (аяксы). Соблюдается строгий запрет покидать корэгәсе бочонок с напитком. Обязательным считалось исполнение застольных песен. Традиционно они содержат признания любви друг другу, восхваления гостей, застолья. Многим присуща философия о жизни, раздумья о бренности и дорожении жизнью, родными и родством. Время собирания родных, гостей за столом – одно из сокровенных мгновений и потому оно наполнялось самыми прекрасными откровениями. Застольные песни в этом случае играли роль своеобразной идеологизации дружбы, любви и взаимопонимания между людьми, глубоко осознанно отображались и оценивались истинные жизненные блага и ценности.

Например, в песне «Берега Малой Инзера»:

Бросил невод к водам Инзера,
Подниматься только берега высоки.
Когда собрались близкие друзья,
Невозможно песню не спеть.

В застольных, как во всех традиционных башкирских песнях, имеются символика, сравнения, тематические параллелизмы. В народной песне «Сон» («Төш»), записанной нами в д. Казыш Белорецкого района, серебряная ложка во сне предвещает приезд близких, родных:

Сегодня видела я сон,
С серебряной ложки воду пила.
Хвала Аллаху за этот сон:
Вас родных я увидела.

Серебро известно как символ чистоты и богатства, а питье воды с серебряной ложки означает приобщение к благоденствию, чистоте, добру. Культ серебра отражен и в женской одежде, «широко использовался в прошлом в праздничной женской одежде»¹.

Весьма примечательно, что в памяти катаяйских башкир довольно устойчиво сохраняются отголоски архаичных обрядов, касающихся культов земной почвы, огня. Прыжки через огонь, обряд, как очень распространенный в ритуальной практике многих народов мира, проводился в дни летнего солнцестояния и был связан с культом Высшего светила. На основе записанных за последние годы материалов удаётся реконструировать компоненты обряда прыжков, смысл которых сами жители не помнят. Восстановлены по памяти народа такие правила: пры-

¹ Шитова С.Н. Из истории башкирского народного костюма // Обычай и культурно-бытовые традиции башкир. – Уфа, 1980. – С. 84.

гать нужно три раза, в руках держать хлеб, соль, которые после прыжка бросают в огонь, чтобы «сжечь» болезни; нельзя во время прыжка кричать, плакать – иначе дух огня рассердится и т.д. Представляет интерес тот факт, что прыжки через огонь проводятся в молодежных игрищах поныне. Действует код генетической памяти почитания огня: взрослые заставляют прыгать через огонь, приговаривая: «иди, хворь выгони!».

По памяти катайцев фиксируются редкостные обычаи, обряды, которые сохранили следы культа животных, растений. Так, во время первого выгона весной скотину хлестали молодой веткой вербы, приговаривая заклинания: «Волку не попадайся, собакам, хищным птицам не поддавайся, стой пнём! В здравии вернись домой!». Затем вешали ветку в хлев, хранили до осени. В действиях акцентируется магическое значение вербной ветки, во многих культурах считающейся обережной, изгоняющей злые силы.

Таким образом, обрядовый фольклор, традиции катайцев сохранили отголоски древнейших мировоззренческих пластов, они обнаруживают устойчивость в памяти народа.

В поэтике обрядового фольклора запечатлены художественные трансформации древнейших верований, культов; жанровый репертуар разнообразен, богат.

В заключении излагаются основные выводы исследования. Комплексное исследование локального устного творчества с учетом этнических особенностей, местных традиций и географической среды позволило раскрыть особенности развития фольклорной культуры, выявить специфику образного мышления, фольклоризации быта, жизненных ситуаций и раскрыть эмоционально-психологический мир башкир-катайцев, создать целостную картину их жизни. Необходимость и плодотворность изучения башкирского фольклора в ареальном, локальном аспектах непосредственно связано с проблемами сохранения его аутентичности и передачи поколениям в наиболее достоверном, первоизданном облике.

Изучение творчества субэтнической группы катайцев и полученные результаты, безусловно, способствуют более отчетливому представлению этногенетических, типологических, общенациональных и локальных особенностей их традиционной культуры. Этот подход выявляет глубинные пласты развития духовного творчества и позволяет обозначить пути развития этноса.

Эпический, лирический и лиро-эпический репертуар катайцев представляет богатейший фонд национальной культуры, располагает огромным потенциалом яркого, поэтико-художественного осмысления действительности и является ценным источником воспитания гражданственности, патриотизма.

Обрядовый фольклор, сохраняющийся в памяти катайцев, обнаруживает древнейший мировоззренческий пласт и включает в себя различные ритуалы, призванные помогать населению оптимально вести

свое хозяйство и соблюдению нормативов в бытовой жизни и норм общежития.

Основные положения и результаты диссертационного исследования изложены в следующих публикациях:

Статьи в рецензируемых журналах из перечня ВАК РФ:

1. Алтынбаев Р.Р. Типологические и локальные особенности песенного фольклора башкир (на примере фольклора рода катая) // Искусство и Образование.– М., 2009. – № 7. – С. 299–305.

2. Алтынбаев Р. Р. Песни и легенды-предания катаяских башкир о топонимах и гидронимах // Искусство и Образование. – М., 2009. – № 8. – С. 130–135.

Публикации в различных научных сборниках и журналах:

3. Алтынбаев Р.Р. Обрядовый фольклор Инзер-катайских башкир / Р.Р. Алтынбаев// Башкирская филология: История, современность, перспективы: Труды Всероссийской научной конференции. – Уфа: Гилем, 2005. – С. 323–325 (на башк. яз.).

4. Алтынбаев Р.Р. Особенности развития народного творчества и культуры северо-западных башкир на рубеже XX–XXI в. // Городские башкиры: проблемы демографии, языка и культуры: Материалы IV Межрегиональной научно-практической конференции. – Уфа: Гилем, 2006. – С. 155–159.

5. Алтынбаев Р.Р. Песенный фольклор горных катаяцев, посвященный реке Агидель // Ядкяр. Вестник гуманитарных наук.– Уфа, 2007. – № 2. – С. 98–100 (на башк. яз.).

6. Алтынбаев Р.Р. Песни башкир рода катая о Ямантау // Ядкяр. Вестник гуманитарных наук. – Уфа, 2008.– № 1. – С. 106–110 (на башк. яз.).

7. Алтынбаев Р.Р. Типологические и локальные особенности народной песни «Урал» в фольклоре катаяских башкир // Урал – Алтай: через века в будущее: Материалы III Всероссийской тюркологической конференции, посвященной 110-летию со дня рождения Н.К. Дмитриева. – Уфа, 2008. – С. 8–11.

8. Алтынбаев Р.Р. Фольклор башкир-катайцев //Агидель. – Уфа, 2012. – № 8. – С.153–173.

Подписано в печать 21.03.2013
Формат 60x84 1/16. Гарнитура Times New Roman.
Усл. п.л. 1,5. Тираж 100 экз. Заказ К-77

Отпечатано в Институте языка, литературы и искусства им. Г.Ибрагимова АН РТ

02